

Все герои этого произведения являются вымышленными, сходство с реальными лицами может оказаться лишь случайным. То же самое относится и к описанным в романе ситуациям.

Глава 1

Вторник, 21 марта

Андрей Степанов, шеф компании «Поларус», двоюродный брат Славки Самсонова, позвонил ему на работу и попросил встретиться с приятелем, программистом Валерием Зерковским. Тот живет у метро «Технологический институт». Он выйдет и передаст Славке упаковку с дискетами. Славка должен стоять в три часа у выхода из метро, на улице, рядом с книжным развалом. Зерковский к нему подойдет.

Подобная просьба не была чем-то необычным: двоюродный брат, средней руки бизнесмен, иногда подкидывал Самсонову кое-какие халтурки: просил съездить то туда, то сюда, встретиться с тем-то, отдать то-то, получить это. В общем, время от времени Славка трудился в должности мальчика на побегушках. Отпроситься с работы проблем не было: им вообще ввели четырехдневку. Но к себе Степанов пока не брал. Ведь он точно знал, что если потребуется — Славка сорвется с места и сгоняет, куда будет нужно.

— Потом с этой упаковкой приедешь ко мне в офис, — давал указания Степанов, контора которого находилась на набережной реки Пряжки, недалеко от известного дурдома. Офисная площадь там значи-

тельно дешевле, чем в центре города или у метро, а об удобствах своих сотрудников шеф заботился меньше всего.

— Андрюх, у тебя там новая партия товара пришла? — с надеждой спросил Самсонов, с которым родственник обычно расплачивался поставляемым из Польши дешевым спиртным.

— Пришла, — успокоил его Степанов. — Получишь свое. Ты все понял?

— Все, Андрей. В три у «Техноложки». Мне стоять у книжного развала при выходе из метро.

* * *

Без пяти три Слава Самсонов стоял в назначенном месте, читал бесплатную газетку, посматривал на часы.

Ровно в три к нему подошел мужчина лет пятидесяти пяти в дорогом кашемировом пальто с торчащим из кармана сотовым телефоном.

«Хорошо живут у нас программисты, — пронеслось в голове Самсонова. — Дернуло же меня, идиота, податься в химию».

— Упаковку — вам? — спросил мужчина.

— Да, с дискетами, — кивнул Слава.

Мужчина протянул ему коричневую коробочку. Слава уже начал доставать из кармана сложенный полиэтиленовый пакет, но не успел развернуть, потому что его окружили крепкие парни в штатском, накинули наручники. Появились люди в форме.

— Вы арестованы, — сообщили ему. — Пройдемте с нами.

Четверг, 23 марта

Славка не пришел ночевать вторую ночь подряд. Вечера Марина Самсонова не особо беспокоилась, можно сказать, вообще не беспокоилась. После стольких лет совместной жизни ей по большому счету было плевать на мужа, которого она сама десять лет назад затащила в загс, потому что была от него беременна и страшно боялась маминого гнева. «Напился в очередной раз», — только и подумала она. Но чтобы две ночи подряд... Вариант другой женщины она исключала полностью. «Может, в самом деле случилось что?» — пронеслось у нее в голове.

Самсонова решила позвонить Марианне, своей и Славкиной бывшей однокласснице, теперь заместителю директора довольно крупной коммерческой структуры, или директору по внешним связям, как значилось в визитке. Марьянка-то точно скажет, куда следует обратиться. И вообще, что делать. Она сообщает мгновенно. Быстро находит решения. Любых вопросов. Безвыходных ситуаций для Марианны Мальцевой просто не существует.

Другой однокласснице, Маше Корицкой, звонить пока было бессмысленно — она раньше часа никогда не вставала. Машка, конечно, тоже могла присоветовать, куда обращаться и что делать, но с утра ее не будишься: она не услышит телефонного звонка, хоть аппарат и рядом с кроватью. Безмятежный сон безмятежной дамы, вокруг которой всегда пасется какой-нибудь джентльмен или даже несколько джентльменов, готовых решить все ее проблемы и помочь бедной девочке.

Марина набрала номер офиса в четырехэтажном флигеле у Московских ворот. Как обычно, трубку сняла секретарша.

— Фирма «Эккотрейдинг». Добрый день.

— Лена, привет, это Марина Самсонова, подруга Марианны. Она сейчас не очень занята?

— Как всегда, очень, — усмехнулась секретарша. — С Финляндией говорит по другому аппарату. Ты подождешь?

Ждать пришлось минуты две. Самсонова слышала, как Марианна обсуждает что-то с финнами на прекрасном английском: наверное, дверь из личного кабинета госпожи Мальцевой в приемную была открыта. Марине всегда было непривычно слышать, как ее бывшая одноклассница переключается с русского на английский, с английского — на немецкий, потом каким-то образом изъясняется на французском, хотя и сокрушается постоянно, что вот с французским у нее не очень... все времени нет заняться.

— Маринка, — наконец прозвучал из трубки голос Марианны, — что там у тебя стряслось? Давай быстро выкладывай, а то у меня на подходе машины с сахаром из Финляндии.

— Славка две ночи не ночевал.

— И?

— Что в таких случаях делают?

Марианна расхохоталась.

— Ну, кто что. Если ты имеешь в виду Славку...

— Я имею в виду себя. Может, случилось что. Я чего-то беспокоиться начала.

— Давненько тебя твой благоверный не беспокоил, — заметила Марианна.

— Ну, муж все-таки. Конечно, не ахти какой, но...

— Так, — деловым тоном заговорила Марианна. — Начнешь с больниц. Потом морги. И в ментовку, естественно. Скорее всего, твой благоверный канаву где-нибудь роет. Благоустраивает наш прекрасный город на Неве.

— Но телефоны... — проямлила Марина.

— Ты что, вчера родилась? — закричала Марианна, которую беспомощность и инертность подруги час-тенько выводили из себя. — Справочники у тебя в до-ме какие-нибудь есть?

— Ну да... Но старые только. Телефонный, по-мо-ему, года восемьдесят восьмого.

— Начни с него. Тебе же не новые фирмы нужны. Если выяснится, что каких-то номеров нет — звони в «ноль-девять», в крайнем случае — моей Ленке, она по «Желтым страницам» посмотрит или еще где.

— Ой, Марианна, как ты быстро соображаешь, — вздохнула Самсонова. — Вот я...

— Прости, Мариш, мне на самом деле некогда. Ко-гда все выяснишь, сообщи ситуацию Ленке, чтобы она мне передала. Пока!

Марианна повесила трубку. Марина сходила за старым телефонным справочником и принялась об-званивать перечисленные подругой инстанции.

* * *

— Лена, — снова связалась с «Эккотрейдингом» Самсонова, — Марианну можно попросить к теле-фону?

— Она на складе. Машины пришли из Финлян-дии, — сообщила секретарша. — Что передать?

— Славка в «Крестах». Что мне делать?

Елена, выбранная для работы секретаршей Мари-анны и генерального директора «Эккотрейдинга» Олега Александровича Жеребцова из семнадцати воз-можных кандидатур, была в состоянии оперативно решать вопросы и давать ответы звонившим. Владела информацией, как любила говорить Марианна.

— Какое предьявлено обвинение? — спросила Лена.

— Мне назвали только номер статьи. Из Уголовного кодекса, наверное, — промямлила Марина.

— Какой номер? У нас в офисе есть Уголовный кодекс. Я посмотрю.

— Сто сорок восьмая.

— Не вешай трубку... — Так, ищу... Вот. Вымогательство. Кстати, к разряду тяжких преступлений не относится. Тут несколько возможных вариантов. Он один вымогал или в составе организованной группы? С применением насилия или...

— Ну откуда мне знать? — перебила Марина. — Понятия не имею.

— Ты что, ничего не выяснила? — поразилась Елена.

— Нет... А сколько за это максимально дают?

— Пятерку с конфискацией.

— С конфискацией?! — Самсонова словно проснулась от глубокого сна. — Ну уж фиг ему, а не конфискация. Он у меня...

— Подожди, у меня второй аппарат звонит.

Лена ответила звонившим оптовикам, что сахар только что пришел. И госпожа Мальцева, и господин Жеребцов находятся в настоящий момент на складе. Свяжутся с покупателями во второй половине дня. Товар в Петербурге.

— Да, Марина? Мне передать Марианне все про твоего мужа?

— Попроси ее, пожалуйста, заехать ко мне вечером. В любое время. Наверное, это надо обсуждать не по телефону.

— Хорошо. До свидания.

Лена повесила трубку.

Самсонова осталась сидеть у аппарата, обхватив голову руками. «Только этого еще не хватало. За вымогательство. Сидит в «Крестах». Господи, если мама узнает... Конечно, узнает. Надо вечером любым спо-

собом вытащить Марьянку. И Машку. Позвоню ей часа через два. Или три. Втроем что-нибудь придумаем. Как уже столько раз».

Глава 2

Четверг, 23 марта

Первой к Самсоновой приехала Маша Корицкая.

— Ну твой и отмочил, — выдала она с порога. — Марьянки, конечно, пока нет? Вся в работе, как обычно.

— У нее сахар из Финляндии пришел, — сообщила Марина. — Но сказала, что будет.

— Раз Марьянка сказала — значит, появится, — заявила Корицкая, зная деловые качества подруги, которая считала, что нет ничего хуже необязательности.

— Проходи на кухню, — пригласила Марина.

Корицкая разделась, сунула ноги в тапочки, критически осмотрела себя в зеркале, мимо которого не могла пройти ни при каких обстоятельствах, оценила свою фигуру фотомодели: обтянутые джинсами стройные ноги, высокую грудь под облегающим свитером, ниспадающие волнами на плечи золотые волосы — цвет, конечно, не свой, но ей идет.

— Водку будешь? — спросила Марина, доставая рюмки.

— Буду, замерзла, пока до тебя добиралась. Простояла на своем проспекте Ветеранов. Задубела. Тачку поймала. Какой-то пришибленный советский инженер попался. Содрал столько... Зарабатывает...

— Мой вон дозарабатывался. Придумал новый способ. Черт побери, лучше бы машину водить научился

и работал на ней утром и вечером. Отцовский «Запорожец» уже сгнил, пока он собирался.

Самсонова разлила водку по рюмкам, достала банку домашних огурцов и хлеб.

В кухню прибежал девятилетний Виталик, увидел рюмки и закуску и резко остановился. Он уже прекрасно знал, что они означают: посмотрелся на папу и дедушку.

— Чего тебе? — спросила Марина.

— Я...

— Хватит мямлить! — заорала мать.

— Ну что ты так, Мариш? — попыталась вмешаться Корицкая.

— Вот когда родишь своего, тогда и будешь воспитывать так, как считаешь нужным, — повернулась к ней Самсонова со злым выражением лица. — А это — мой ребенок. Что хочу, то и делаю. Зачем пришел?

— Мама, я...

— Говори нормально! Ты, слава богу, не заика.

«Но может скоро им стать, — подумала Маша, но ничего не произнесла вслух. — С такой обстановкой дома».

— Я попить хочу, — сказал Виталик.

— Ну так пей. Вон вода кипяченая в банке стоит. Можно подумать, не знаешь где. Только давай побыстрее.

Когда Виталик, опустив плечи, ушел из кухни, Маша обратилась к подруге:

— Ну зачем ты так грубо с ним? Зачем на нем-то срываться? Он же ни при чем.

Самсонова опустила на табуретку, не дожидаясь Корицкой, выпила налитую в рюмку водку и наполнила еще одну, откусила кусок черного хлеба, потом посмотрела на холеную цветущую Машку и вздохнула.

— Да я понимаю, что ни при чем. Меня сейчас все

раздражает. Я локти кусаю. Жизнь пошла к чертям собачьим. Ты посмотри, во что я превратилась. Мне в зеркало на себя страшно взглянуть.

— Э, милочка, здесь все зависит от тебя самой. Можно и фигуру, и физиономию в норму привести. Тебе двадцать семь лет! Это что, возраст? На массажик походить, волосики подкрасить, фитнесом заняться. И станешь как новенькая.

— Когда мне ходить-то по всем этим шейпингам и массажам? — воскликнула Марина.

— Ты на своем рынке работаешь через день. Время есть. Марьянка находит, а уж она-то как пашет!

Самсонова попыталась что-то возразить, но Корицкая остановила ее жестом.

— Не надо про то, что у тебя семья. У тебя есть мама и папа. Детьми занимается твоя мать. Готовит, в общем, тоже она. Как говорит наша деловая подруга, захочешь — сможешь. Марьянка хоть и вкалывает по двенадцать часов в день, но успевает в косметические салоны. И утром на тренажере на своем занимается, не знаю уж, как ей силы воли хватает встать на час раньше.

— А деньги я откуда возьму? — спросила Марина.

— Чтобы бегать по утрам или ходить быстрым шагом, деньги не нужны. Костюм спортивный какой-нибудь в доме всегда найдется. И кеды или кроссовки старые. Волосы я тебе сама покрашу. Не придется в парикмахерскую идти. Ну подождешь пока с массажем. До лучших времен.

— Вот так всегда: до лучших времен, — вздохнула Марина. — Давай выпьем за то, чтобы они поскорей наступили.

Подруги чокнулись и осушили рюмки до дна.

— У тебя случайно нет колбасы или сыра? — спросила Маша.

— Ни хрена нет. Конфеты могу предложить, которыми торгую. Чтоб у моих хозяев слиплось в одном месте! И еще — суп из пакета.

— Ладно, хватит хлеба с огурцом.

Корицкая поняла, что для Марины это не вторая рюмка водки за сегодняшний день. И даже не третья и не пятая. Часто что-то подруга закладывает стала. Жизнь у нее, конечно, собачья. Но сама виновата. Никто замуж не гнал.

— Ну так расскажи поподробней, что там твой учудил, — попросила Маша.

Марина налила им еще по одной, дожевала кусок черняшки, отрезала второй.

— Я сегодня не ела, — сообщила она. — Сейчас еще по одной выпьем, я хлебцем закушу и выдам тебе все, что знаю. Может, и Марьянка к тому времени подъедет. Не хочу два раза одно и то же повторять. Вообще этого мерзавца вспоминать не хочется.

— Ты бы хоть маслом хлеб намазала-то, — заметила Корицкая.

— Масло только детям, — ответила Марина.

— О, господи! — воскликнула подруга и подумала: «Ну ничего себе живут люди. Мне крупно повезло, что Маринка этого Самсонова в загс отвела, а я на свободе осталась!»

Казалось, что подруга прочитала ее мысли, потому что заметила:

— Дура я была набитая тогда, в десятом. Ну надо же было в такого козла влюбиться! Что я в нем нашла? Марьянка-то его сразу отшила. А ты ведь тоже имела на него виды. Но я уцепилась. Вас еще ревновала. Боялась домой приглашать, думала, что уведете такое сокровище. Кретинка. Ну почему его никто не увел?!

Корицкая пожала плечами и подумала, что сокро-

вище, подобное Самсонову, никому не нужно. Уж ей и Марьянке точно.

— Давай еще по одной, — предложила Марина. — За нас, за баб.

В кухне появилась мать Марины — Серафима Поликарповна.

— Хватит пить! — заорала она.

«Здесь вообще кто-нибудь разговаривает нормальным тоном? — подумала Корицкая. — Как ни придешь — уходишь с головной болью, потому что все непрерывно вопят друг на друга».

— Здравствуйте, тетя Сима, — поздоровалась Маша.

— Здравствуй, Маша. Ты в курсе уже, что драгоценный зятек учудил? Вымогатель хренов. В «Крестах»! Вдруг кто из соседей узнает... Мне же на улицу тогда не показаться! С бабками на скамейке не посидеть. Людям в глаза смотреть не смогу. Сколько раз тебе говорила, — обратилась она к дочери, — не выходи за него, потом говорила: разводишь, ищи нормального мужика. Зачем Аньку рожала?

— Можно подумать, ты внучку не любишь, — заметила Марина. — То она для тебя — свет в окошке, то — зачем рожала.

— Вот если бы была только Анечка...

В этот момент в дверях кухни появился Виталик. Он услышал последнюю фразу, и у него началась истерика. Далеко не первая. У мальчонки уже была испорчена нервная система, что неудивительно в доме, где постоянно происходят скандалы, нет любви, пьют отец и дед, теперь еще и мать. Мать постоянно унижает и ругает отца, бабушка честит всех подряд, а он сам, как он уже понял в свои девять лет, — нежеланный ребенок. Ни для кого. Только, может, для папы, но папа боится выражать свои чувства, когда поблизости находятся мама и бабушка.

Виталик бился в истерике. Марина, перебравшая водки, вместо того, чтобы утешить сына, начала на него орать. Виталик захлебывался слезами. Корицкая в ужасе наблюдала за разворачивающейся перед ней сценой. Серафима Поликарповна взяла мальчика за руку и повела в комнату, пытаясь успокоить. Правда, это у нее плохо получалось. Ребенок ей не верил.

Самсонова налила еще по одной.

— Огурец будешь? — спросила она у Маши.

— Буду.

— За что теперь пьем?

— За решение всех проблем.

— Все они никогда не решатся, — вздохнула Марина. — Но все равно выпьем.

Подруги лихо осушили рюмки. Прожевали огурцы с хлебом.

— Ты, небось, теперь только дорогие напитки распиваешь, — заметила Самсонова. — «Мартини» там всякие да джины с тониками. Это я, как во все века русская беднота, — водочку. И иногда вермут, который двоюродный братец моего козла из Польши сюда гонит.

— А не заняться ли тебе этим Степановым? — предложила Маша. — Живет один. Детки твои для него все-таки какие-никакие, но родственники. Племянники. Хоть и троюродные. Но плевать. Пусть поможет семье брата. В особенности, если твой отправится в места не столь отдаленные.

— Нужна я ему, пожалуй. Он на таких, как ты, смотрит. У меня после двух родов ни кожи, ни рожи и два хвоста в придачу.

— Я тебе уже говорила сегодня: приводи себя в порядок. Понравишься кому — и польется на тебя золотой дождь.

Марина горько усмехнулась.

— Хоть бы капля одна этого дождя на меня капнула. Ну почему мне никто в семнадцать лет не сказал, чтобы я аборт сделала?

— Тебе все говорили, — жестоко ответила Маша. — Только ты не слушала. Вспомни. Ты думала, мы все тебе завидуем, что ты замужем, а мы нет.

Марина разрыдалась.

— Принеси сигаретку, — попросила она.

Маша сходила в коридор и вернулась с пачкой «Мальборо». Подруги закурили и встретились взглядами.

— Дура я. Дура, — вздохнула Самсонова. — Только себя наказала. Жизнь кончена, Машка. Что мне теперь осталось? Тащить этот воз. И в зной, и в холод торговать на улице. Никому я не нужна.

— Все в твоих руках, как говорит наша деловая подруга. Приведи себя в норму, и познакомим тебя с кем-нибудь. Вон у Марьянки сколько партнеров. По бизнесу, в смысле. Мне же всех кавалеров она подкидывает. Ну не подкидывает, конечно, но предоставляет возможность с ними встретиться.

— Но сама-то Марьянка до сих пор одна как перст, — заметила Самсонова, снова разливая водку. — Был там какой-то врач, потом бандит. И все. С головой в работе.

— У Марьянки слишком завышены требования. У тебя таких никогда не будет. Как, впрочем, и у меня. Нам другое надо. Мне плевать на то, есть у спонсора интеллект или нет. Был бы кошелек потолще.

— Это ты правильно мыслишь, — кивнула Марина.

— К тому же мужики не любят умных женщин, — продолжала Маша. — Не хотят на их фоне дураками казаться. А на фоне Марьянки мужики бледнеют. За чем им это? Им нужны подруги, которые в рот смот-

рят, ловят каждое слово, восторгаются ими и восхищаются.

— Но вокруг Марьянки же роем вьются! — воскликнула Самсонова.

— Вьются, — согласилась Корицкая. — Но что делают-то? Compliments говорят (заслуженно, конечно), ручку целуют, тосты за нее на всех банкетах поднимают (я много раз слышала, когда меня на эти же банкеты в роли приходящей леди приглашали). А потом Марьяночка на своем «Фольксвагене» отправляется в одиночестве домой, в свою холостяцкую, вернее, стародевическую, квартиру, а все эти бизнесмены идут трахать девок вроде меня. И содержат тоже таких, как я. Ты можешь представить Марьянку у кого-то на содержании?

Самсонова мечтательно уставилась в окно, а потом расхохоталась.

— Вот то-то и оно. Ты понимаешь, о чем я говорю. Не стремись угнаться за Марьянкой. Ни тебе, ни мне это не под силу. Да и не нужно. Пусть себе занимается своим бизнесом. Деньги зарабатывает. Потом лет в тридцать родит ребенка и будет его всем обеспечивать. Но мне такой вариант не подходит. Зачем работать, если мужики есть? Бери пример с меня.

— А меня кто-нибудь согласится содержать? С двумя детьми?

— Детки, конечно, осложнение. Но если потенциальному спонсору понравиться, то на всех хватит. У тебя же запросы в общем-то снижены. Привыкла жить в режиме экономии.

— Поможешь мужика найти?

— Помогу. Но тут лучше посоветоваться с Марьянкой. Чтобы она тебя на какую-нибудь презентацию с собой взяла или куда еще. Как себя вести — тут, конечно, я тебя проинструктирую. — Маша усмехну-

лась. — Под меня будешь подстраиваться. Под Марьянку бессмысленно: о бизнесе ты разговаривать все равно не сможешь. И не научишься за неделю, даже если Марьянка согласится давать тебе уроки. А вот глазами хлопать и поддакивать — это несложно.

— Как не смогу о бизнесе? — пьяно расхохоталась Самсонова. — Я большой специалист по торговле конфетами. Хорошо изучила уличную систему. Как конфетку туда, конфетку сюда перекинуть — тут я уже кого угодно обставлю.

На кухне снова появилась Серафима Поликарповна.

— Давай потише, — сказала она на удивление ровным тоном. — Виталик только что заснул. И хватит пить. С твоей-то наследственностью.

— Слушай, мать, а зачем ты в таком случае от нашего папани меня рожала? Зачем подарила мне подобную наследственность? Нашла бы нормального, с тугим кошельком, с руками, растущими не из задницы, как у папочки, чтобы обеспечивал и тебя, и меня, а мы не считали бы копейки?

Серафима Поликарповна побагровела и заорала на два тона выше, чем в момент своего первого появления:

— Как ты смеешь такое говорить матери, неблагодарная тварь?! Мы с отцом тебя на ноги поставили, одевали, обували. И вот спасибо. Отец не тот у нее, мать не та. Ты на себя посмотри. За кого ты замуж вышла? Детей нарожала. Нищету наплодила. Ими не занимаешься. Я вместо того, чтобы спокойно отдохнуть на старости, с двумя твоими нянчусь, готовлю, стираю, а ты...

Из комнаты снова послышался плач Виталика. Серафима Поликарповна махнула рукой и бросилась к внуку.

Марина опять налила водки. Бутылка закончилась.

— Не волнуйся, у меня еще есть, — сказала она. — И можем Марьянке позвонить, чтобы она по пути купила.

— Марьянка пить не будет, — заметила Корицкая, которой алкоголь уже ударил в голову. — Она же за рулем.

— Нам купит. И, кстати, родственнику можно звякнуть, чтобы тоже привез. Он собирался заехать. Я Андрюху имею в виду. Он звонил несколько раз.

— А ему чего надо? — спросила Маша.

— Славку искал. Вначале позвонил позавчера вечером. Славка же две ночи не ночевал. Я тогда ответила, что пока его нет, где — не знаю, и это меня мало волнует. Он просил передать, чтобы Славка ему перезвонил, когда появится. Ну, я записку под дверью положила. Утром смотрю — не приходил. Я же вчера работала, так что утром понеслась на точку, особо не беспокоилась. Он уже много раз нажирался и оставался у своих приятелей-алконавтов.

— А чего это ты сегодня так дернулась? Ну, два дня не ночевал. Ну и что? Для нормального мужика, конечно, это необычно, но для твоего-то, по-моему, в порядке вещей.

Марина пожала плечами.

— Трудно объяснить. Понимаешь, Андрюха вчера еще днем звонил — с матерью разговаривал. Потом снова позвонил вечером. На меня нарвался. Я злая, как черт, была, замерзла здорово, да и оборот маленький был. Я наорала на него. Андрюха тоже разозлился, сказал, что Славка вез ему что-то и не довез. Заявил, что потребует с нас компенсацию. И больше никогда не будет подкидывать Славке халтуру.

— А он часто ему халтуру подкидывает?

— Да какая это халтура! — воскликнула Марина. — Посылает куда-то съездить, одно забрать, другое при-

везти. Разгрузить что-то. Мелочь какая-то. Расплачивается в основном своим вермутом. Иногда деньги какие-то дает. Но до меня они не доходят.

— Давай выпьем за деньги, — предложила Корицкая. — Чтобы они у нас всегда водились.

— Хороший тост, подруга.

Девушки съели еще хлебушка, разрезали напополам последний огурец.

— Ну и чего дальше? — спросила Маша.

— Да ничего, — пожала плечами Марина. — Когда он снова не пришел ночевать, я утром Марьянке на работу позвонила. Она сказала, что надо обзванивать больницы, морги, милицию. Делать мне все равно с утра было нечего, я и села за телефон. Хоть какое-то разнообразие в моей веселой жизни. И здрасьте — пожалуйста! Дорогой муженек в «Крестах» за вымогательство. В следственном изоляторе.

— А у кого вымогал-то? — поинтересовалась Корицкая, снова закуривая. — И сколько?

— А черт его знает. Я позвонила Андрюхе. Сообщила радостную весть. Он несколько минут матерился мне в ухо. Сказал, что по своим каналам попробует что-то выяснить. Может, заедет.

— М-да, — только и произнесла Маша.

— Кстати, Марьянкина секретарша сказала, что за это много не дадут. Не помню точно, сколько, но немного. Правда, может быть конфискация имущества. Но он здесь не прописан. Он у своей матери прописан. Моя тогда костыми легла поперек порога, сказала, что никакой прописки ему не будет. Правильно сделала. Молодец мать.

— Да у тебя и брать нечего.

— Эти менты всегда найдут, что прихватить. Сборщики дани, как опять же говорит наша деловая подруга.

— Посоветуемся с нею, что делать, — заметила Корицкая. — В этом ей нет равных. Она, конечно, не специалист по уголовным делам, но у нее везде есть нужные связи. Тебе, наверное, придется нанять адвоката.

— Что?! — взревела Марина. — Где я деньги на адвоката возьму? Тем более для этого гада. Я сейчас о себе беспокоюсь. Чтобы у меня ничего не конфисковали. А он пусть посидит и подумает о смысле жизни.

Маша серьезно посмотрела на подругу, отрезала еще кусок хлеба, потому что больше есть было нечего, и спросила:

— То есть ты не собираешься вытаскивать Славку? А если он невиновен?

Марина пьяно расхохоталась.

— Посадили — и невиновен? Дыма без огня не бывает. Меня больше всего волнует мое положение. Чтобы не лишиться того, что есть. А это как раз повод для развода. По-моему, если муж сидит, то разводят сразу же. И алименты получать буду. На зоне ведь они работают. Что-то должны мне присылать. Все равно, наверное, больше получится, чем от него на свободе. Там ведь не дадут тратить на выпивку.

— Но ведь муж твой все-таки, — попыталась возразить Корицкая. — Десять лет живешь с ним как-никак. Двоих детей родили. Да и парень он в общем-то неплохой.

— Слушай, подруга, что-то больно ты жалостливая стала. То готова помогать мне искать спонсора, то хочешь спасти этого козла. Кому он нужен? Тебе? Может, пригреешь бедного несчастного преступника-вымогателя? Когда выпустят. Если выпустят.

Маша сидела, не произнося ни слова.

— Ах, не пригреешь, — продолжала Марина. — Не нужен он тебе. Думаешь, мне нужен? Хватит, нажи-

лась. Пусть катится на все четыре стороны. Алименты буду по почте получать. А он...

Маша долго молчала. Марина снова заплакала.

— А ты не думаешь, что он пошел на это ради тебя и детей? — наконец спросила Маша. — Он не знал другого способа заработать деньги. Он ведь понимает, что ничего не умеет. Зарплату ему сколько месяцев не платят?

— Три, — выдавила из себя Марина.

— Поставь себя на его место. Он ведь мужчина все-таки. Если бы я Славку сама не знала... Он нормальный парень был. Да спился. Вернее, пока еще нет, но все идет к тому. Кстати, ты могла бы его остановить.

— Я? Пусть вшивает себе «торпеду», если хочет. Но жертвовать собой ради такого...

— Тоже мне мученица нашлась! — взорвалась Маша. — Сама во всем виновата. Могла из него сделать все, что хотела. И направить туда, куда следовало. Он тебе в семнадцать лет достался. Не в тридцать и не в сорок. Сейчас бы плоды пожинала.

— Что из него можно было сделать?!

— Внушить ему уверенность в свои силы хотя бы. Что он кормилец. Нужен, просто необходим тебе и детям. А ты постоянно позволяла матери унижать его! И сама старалась.

— Да он полное ничтожество! Другой бы на его месте...

— Давно от тебя отвалил. Послал бы подальше и тебя, и твою мамашу.

Самсонова хотела что-то возразить, но промолчала. Закрыла лицо руками. Достала носовой платок из кармана старого халата, высморкалась. Рукавом утерла слезы.

— Да, я тебе только что советовала найти богатого любовника, но ты подумай: Славка ради тебя и детей на все это пошел, — повторила Маша. — От безысход-

ности. Безденежья. Безнадежности. Ему помочь надо. А уже потом решать, разводиться тебе с ним или нет. И вообще, как вам жить дальше. Сесть вдвоем и честно все обсудить. Да, может, стоит разойтись и устраивать свою жизнь по отдельности, пока еще не слишком поздно. Или продолжать жить вместе. Попробовать начать все сначала. Быть терпимее друг к другу. Можно же что-то придумать.

Самсонова глубоко вздохнула и снова закурила.

— Наверное, ты права, Машка. Какой он преступник? Но что мне делать?

— Сейчас придет Марьянка. Она лучше нас с тобой соображает, что в каких случаях следует предпринять. Выложим ей все. Марьянка что-нибудь придумает. Ты же знаешь.

— Да, для Марьянки не существует безвыходных ситуаций, — кивнула Самсонова. — Пойду принесу еще бутылку.

На кухне появился с трудом ворочающий языком отец Марины. Как обычно, пришел с работы хорошенький, поспал немного и вот вышел перекусить, — в старой, рваной, когда-то белой майке и огромных зеленых семейных трусах. Девчонок он не стеснялся. Плевать ему было на то, что о нем подумают.

Петр Николаевич грохнулся на табурет напротив Корицкой, уставился на нее выпученными глазами, потом перевел взгляд на вернувшуюся в кухню с бутылкой водки дочь.

— Нальешь? — спросил он, увидев в руках у Марины благословенный напиток.

— Налью, — ответила дочь. — Ты чего встал-то?

— Пожрать захотелось. Что у нас есть?

— Суп из пакета. Хлеб вон на столе.

— А еще?

— Конфеты, которыми я торгую.

— Мясо хоть какое-нибудь имеется? Которым мужиков в нормальных семьях кормят?

— У нас семья ненормальная, насколько тебе известно, — ответила Марина, начиная заводиться и переходя на крик. — Ешь, что дают, или вообще ничего не получишь.

— Это ты так с родным отцом разговариваешь?! — взревел Петр Николаевич. — Да я жизнь свою на вас угробил: на тебя, брата твоего и мать. Да я...

В кухне появилась Серафима Поликарповна.

— Замолчи немедленно и отправляйся спать, — приказала она.

Петр Николаевич сразу поник. Он уже много лет жил в страхе перед женой. Плечи его опустились, он заговорил совсем другим тоном:

— Мне поесть бы чего, Сима. Что дашь.

— Разогрей суп отцу, — велела Серафима Поликарповна дочери. — Я пойду с детьми заниматься. Ведь больше некому.

На кухню прибежала четырехлетняя Анечка.

— Можно мне молока? — спросила она.

— Сейчас согрею, — ответила Марина.

— И лимонную конфету.

— Мама, дай ей конфету.

— Хватит на сегодня. Опять вся сыпью покроется.

Анечка заревела в голос.

— Дай, чтобы только успокоилась. Хватит нам воплей без ее рева.

— А по поликлиникам кому с ней ходить? Ты, что ли, будешь? — снова заорала Серафима Поликарповна. — А деньги на лекарства где брать? Твой вымогатель, что ли, подкинет? Довымогался. Теперь еще ему, наверное, передачи придется носить.

— Вы это о чем, бабы? — спросил Петр Николаевич, который еще не знал о местонахождении зятя.

— Муженек твоей дочери в следственном изоляторе трезвеет, — сообщила Серафима Поликарповна. — Нам в семье только преступников не хватало.

— Ну посидит пятнадцать суток и отпустят, — невозмутимо ответил Петр Николаевич, которому и в голову не могло прийти, что зятя задержали за что-нибудь серьезное.

— Ты слышал, что я сказала, или нет? — заорала Серафима Поликарповна. — Или еще теперь и оглох ко всему в придачу? Он не в вытрезвителе, а в следственном изоляторе. В «Крестах». Слышал про такое место?

— Чего? — выпучил глаза на жену Петр Николаевич.

— Вот того самого. На бутылку ему не хватало, — представила свою версию теща. — Выбрал легкий способ. У кого он там деньги-то требовал, Марина?

— Понятия не имею.

— Где мое молоко? — снова закричала Анечка.

— Ты видишь, что я его грею? — повернулась к ней Марина.

— Слишком долго греешь, — ответила четырехлетняя дочь.

— Ты еще будешь мне указывать...

— Не ори на ребенка! — завопила Серафима Поликарповна. — Могла бы и побыстрее.

— Что мне, задницей на плиту сесть, чтобы она лучше работала? — закричала в ответ Марина.

«Сумасшедший дом, — подумала Корицкая. — И как Славка терпит все это целых десять лет?»

Маша молчала, сидя в углу и стараясь не привлекать ничьего внимания, потому что знала, что в противном случае достанется и ей. Пару раз в прошлом Серафима Поликарповна ополчалась на нее, пыталась воспитывать, Маша вставала на дыбы, ругалась в

пух и прах с Мариной и вылетала из их квартиры как ошпаренная, давая себе обещание никогда больше не видеться с Самсоновой. Но через некоторое время подруга звонила с извинениями, слезно умоляла приехать.

Корицкая прощала. Марьянка появлялась здесь гораздо реже: ей было просто некогда, да и далеко не всегда она позволяла вылить себе на голову холодный ушат, который обычно к встрече с подругами готовила Марина. Маша была слабее. Ее можно было напечь. К тому же она нигде не работала, что знали и Марина, и ее мать.

Наконец молоко согрелось. Анечке налили стакан. Марина наполнила второй и понесла его Виталику. Отец отрезал себе кусок хлеба и молча жевал. Серафима Поликарповна достала из холодильника суп и поставила на плиту.

— Сам за ним посмотришь, — сказала она мужу и направилась в комнату к внукам.

Вернулась Марина, поставила на стол еще одну рюмку — для отца, откупорила новую бутылку водки, разлила на троих.

— А что, Славка, правда, в «Крестах»? — спросил отец.

— Правда.

— За что?

— Мать же сказала: за вымогательство.

Петр Николаевич покачал головой.

— Давайте за то, чтобы поскорее вышел, — предложила Марина.

Маша и Петр Николаевич подняли рюмки. Все чокнулись. Выпили.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Наконец-то! — воскликнула Марина.

— Кто это? — спросил отец.

— Мы Марианну ждем, — сообщила Маша и вы-

глянула в окно, рядом с которым сидела. — Мариш, она без машины. Нет ее «Фольксвагена».

— Догадалась, что пить будем, — ответила Самсонова и пошла открывать.

Она не стала смотреть в глазок, а просто распахнула дверь и уже собралась пожурить подругу, что та слишком долго возилась со своим сахаром, но только открыла рот.

На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти и показывал ей служебное удостоверение. Он был в штатском.

— Капитан Ухов, — представился он. — Я могу зайти?

— Э... но...

Марина не находила слов. Она опешила. Ей ни разу в жизни не приходилось разговаривать с кем-нибудь из милиции. Она ждала Марианну, которая придумает, что делать. А тут... «Только этого еще не хватало. Господи! Скорее бы приехала Марианна».

— Самсонова Марина Петровна? — спросил капитан Ухов.

— Да, — кивнула Марина, пожалевшая, что так много выпила. Но кто же мог предположить, что появится этот капитан Ухов?

— Я могу зайти? — повторил вопрос капитан. — Или мне пригласить вас к нам?

— Проходите, — угрюмо сказала Марина, отступая в сторону. Ей совсем не хотелось получить приглашение «к ним».

— Кого там еще черти принесли? — услышался пьяный Машкин голос.

Подруга вылетела в коридор и резко остановилась от удивления. Она видела этого мужчину где-то с неделю назад выходящим из кабинета Владимира Вениаминовича, нынешнего ее спонсора. Тогда Кориц-

кая примчалась в фирму к господину Картушу: они собирались на очередную презентацию, но секретарша «папы Вовы» предложила ей подождать в приемной: у господина Картуша исключительно важный разговор, он просил не беспокоить его ни при каких обстоятельствах. Они тогда опоздали на презентацию. Нежданный гость тоже узнал Машу. Она девочка запоминающаяся. В особенности для мужского глаза.

Корицкая, открыв рот, смотрела на вновь прибывшего. Он тоже несколько удивился, но мгновенно взял себя в руки.

Марина закрыла входную дверь. Капитан Ухов повесил пальто на крючок в прихожей, скинул ботинки, сунул ноги в приготовленные Мариной тапочки.

Корицкая молча стояла у двери в кухню.

— А вы кто? — наконец спросила она у вновь прибывшего.

— Капитан Ухов. Я веду дело Вячеслава Самсонова. Могу я попросить вас представиться?

— Маша.

Капитан Ухов усмехнулся.

— Фамилия, имя, отчество?

— Корицкая Мария Станиславовна.

Глава 3

Некоторое время назад

Года три назад бабушка Маши, жившая на Петроградской, предложила сделать семейный обмен, чтобы не пропала жилплощадь. Машу прописали к бабушке, а бабушку, в свою очередь, туда, где жили Машины родители. Месяца через два бабушка резко сдала: как чувствовала, что скоро ей потребуется по-